

УДК 323.11(477.75):2

А.Г.Шевчук, А.Б.Швец

Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения населения в XX - начале XXI в.в.

Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования

Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского

Аннотация. В статье анализируется процесс эволюции системы расселения населения Крыма под влиянием различных политических проектов его освоения. Выясняются причины исчезновения 311 населенных пунктов в системе расселения крымских татар в XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: политическая география, система расселения, факторы эволюции расселения населения.

Постановка проблемы. Весной 2009 г. В Симферополе вышла справочно-информационная карта «Призраки прошлого на карте Крыма», созданная как совместный проект Симферопольского филиала Национального института стратегических исследований и Научно-производственного центра «Союзкарта» (г. Симферополь). В этом картографическом произведении была сделана попытка визуализации проблемы исторических потерь в системе расселения населения Крыма. Под «потерями» подразумевались населенные пункты, существовавшие на территории Крымского полуострова в 1920-х – 1940-х годах, а впоследствии либо сохранившиеся, либо утраченные как структурные компоненты расселения населения.

Издание упомянутой карты вызвало ряд вопросов в среде представителей различных национальных общин и политических объединений крымской автономии, суть которых сводилась к необходимости уточнения причин, приведших к исчезновению в системе расселения населения Крыма 934 населенных пунктов в период 1941 - 1989 гг.

Целью данной работы является выяснение причин, вызвавших пространственные изменения в системе расселения населения Крыма, приведшие к появлению «населенных пунктов – призраков». Данная публикация не претендует на полноту и окончательный характер высказанных в ней суждений, но, безусловно, послужит отправной точкой для будущих более углубленных исследований этой интереснейшей проблемы.

Анализ исследований и публикаций. Проблема исторических потерь в системе расселения населения Крыма в XX в. – тема практически неизученная крымскими географами. Отчасти это связано с её многоаспектным характером. Исследования системы расселения народов, проживавших в Крыму в XX в., непременно затрагивают политические, военные, этнокультурные, этнопсихологические моменты во взаимоотношениях различных групп населения полуострова в сложные, неоднозначные по современным оценкам исторические периоды. Отчасти именно эти моменты определили крайне осторожное отношение географов к исследованию проблемы преобразований в расселенческой структуре Крыма.

Хронологический отрезок, с которым связано появление в системе расселения народов Крыма «населенных пунктов – призраков», напрямую связан с необходимостью осмысления этой проблемы как результата сложных политико-географических процессов, имевших место в новейшей истории формирования крымского административно-территориального устройства. Библиография изучения эволюции административно-территориальных единиц Крыма достаточно обширна, её анализ проведен в нашей работе «Административно – территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII – XXI вв.»[1].

Нерешенные ранее части общей проблемы. Анализ исследований и публикаций означенной выше тематики позволяет сделать вывод о том, что среди работ, изучающих административно – территориальное устройство Крыма, отсутствуют исследования, в

которых проводится совмещенный анализ политико-географических факторов административного обустройства Крыма и территориальных последствий воздействия этих факторов на расселенческую структуру населения полуострова в наиболее политизированный период её существования – 1920-е 1990-е годы.

Изложение основного материала исследований. Фактор – это мощная двигательная сила любого социокультурного процесса или явления. Согласно взглядам современных обществоведов, невозможно установить первоисточник социальных процессов, без осмысления результатов взаимодействия большого количества факторов их развития, порождающего мультипликативный эффект [2]. В нашей работе мы полагаем, что преобразования в расселенческой структуре населения Крыма в XX в. есть результат мультипликативного эффекта от воздействия на неё разнообразных социокультурных факторов при доминирующем влиянии политико-географического фактора. Под политико-географическим фактором мы понимаем совокупность специфических стандартов административно-территориального обустройства Крымского полуострова, которые закладывались в XX в. на государственном уровне как проекты его хозяйственного освоения.

Расселенческая структура народов, населявших Крым в советский период его истории, начала испытывать влияние политико-географического фактора уже в 1920-х годах. Административно-территориальное устройство полуострова, частью которого являлась система расселения населения, в этот период создавалось с целью рационального размещения производительных сил в условиях социалистической экономики, общегосударственного планирования, единства политического и хозяйственного руководства. Административно-территориальное устройство советских регионов мыслилось как инструмент управления экономическими районами страны.

Отметим, что к началу советского периода сложившаяся в Крыму еще в XVII-XIX вв. сеть городских и сельских поселений сохраняла архаические черты, заложенные в ней древними цивилизациями, а также Византийской, Османской, Российской империями и Крымским ханством. Вместе с тем, в период с 1920 г. по 1935 г. в Крыму было проведено восемь территориально-административных переустройств, отразивших постоянно меняющиеся политико-географические стандарты советской администрации в вопросах национально-культурного и социального обустройства полуострова.

Административно-территориальные переустройства не смогли оставить без изменений систему поселений в Крыму. Политическим контекстом этих изменений стало проведение советским руководством *политики коренизации и привлечения иностранных инвестиций* под проекты национально-культурного освоения Крыма. Один из самых известных проектов привлечения иностранных (американских) инвестиций для создания в северо-западной и центральной частях Крыма еврейских национальных районов именуется современными историками как «проект создания еврейской автономии» [3], а журналистами - «Крымской Калифорнии» [4].

Суть *политики коренизации*, получившей в советском государстве официальное начало в 1923 г., заключалась в необходимости обеспечения в национальных республиках «приоритета национальных языков, широкого их использования в делопроизводстве всех советских учреждений, средствах массовой информации, культурно-просветительских учреждениях, первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владевших своим родным языком» [5, с.331].

В Крыму политика коренизации была направлена на привлечение к сотрудничеству с советским государством крымских татар, оформившись, по сути, в политику «татаризации». Главным инструментом в проведении коренизации стала Нацменкомиссия при Президиуме КрымЦИКа. Работа этого органа политических преобразований в национально-культурной среде Крыма нередко грешила ошибками и перегибами. На местном уровне управления политика коренизации, к примеру, понималась Нацменкомиссией как простая замена русских или украинских служащих на работников из числа крымских татар. Непропорционально распределялись между крымскими татарами и представителями других национальностей ассигнования на культурное развитие. Эти обстоятельства, а также введение в 1929 г. в управленческом аппарате делопроизводства на татарском языке осложнило межнациональные отношения в Крыму и вызвало протесты рабочих и служащих иных национальностей.

Механический подход к коренизации привел в Крыму, по мнению историков, к обратным результатам: удельный вес крымских татар в управленческих структурах к концу 1930-х годов стал снижаться, по сравнению с концом 1920-х годов [6; 7]. Кроме того, практическая деятельность по осуществлению "татаризации" создала у части крымскотатарского населения представление о том, что советские республики в Крыму создавались якобы как национальные, крымскотатарские. «В действительности же таковой крымская автономия никогда не была. И Республика Таврида, и Крымская ССР, и Крымская АССР создавались по территориальному принципу с учетом многонационального состава населения, но при особой политике в отношении крымских татар» [6].

Отметим также и тот факт, что большевистское руководство Крыма было напугано подготовкой крымских татар к вооруженному восстанию в конце декабря 1929 г. – начале января 1930 г. в деревне Ускут (ныне с. Приветное Алуштинского горсовета). В означенный период в Ускуте проживало до трех тысяч семей, все татары [8, с.44]. Именно этот населенный пункт стал одним из главных центров сопротивления насильственной политике коллективизации, проводимой большевистским руководством Крыма особо ускоренными, по сравнению с другими регионами страны, темпами. Население Ускута выражало недовольство хлебозаготовками еще в 1928 г., а с весны 1929 г. ускутцы начали вооружаться и разрабатывать планы ухода в горы, отъезда в Турцию, налаживания связей с близлежащими селениями Арпат, Шелен, Ворон, Ай-Серез и др. ОГПУ, будучи проинформированным, арестовало наиболее активных участников готовившегося выступления крымских татар и вооруженного столкновения в Ускуте не произошло.

Ошибки коренизации, ускутские события ускорили потерю интереса советского руководства к дальнейшему продолжению политики преференций в отношении только одного из многочисленных старожильческих народов Крымского полуострова. Это послужило причиной того, что с конца 1920-х – середины 1930-х годов политика коренизации (татаризации) перестала носить приоритетный для советского руководства характер. К концу 1930-х годов политика татаризации в Крыму была окончательно свёрнута и советская администрация взяла курс «на устранение перекосов в национальной политике», допущенных Нацменкомиссией Президиума КрымЦИКа.

В территориально-административном отношении политика «коренизации» проявилась в учреждении на территории Крыма административных единиц, созданных по национальному признаку: шести татарских районов, немецкого (Биюк-Онларского) и украинского (Ишуньского) нацменрайонов. Границы указанных районов соответствовали ареалам расселения крымских татар, украинцев и немцев Крыма.

Параллельно с коренизацией (татаризацией) в Крыму 1920-х годов началось осуществление проекта создания на полуострове еврейской автономии. На заседании еврейской секции при ЦК РКП(б) была подготовлена записка в правительство о целесообразности еврейской земледельческой колонизации северного Крыма [9]. Земледельцами евреям предстояло стать по той причине, что их традиционная специализация жизнедеятельности на частной торговле и кустарном производстве оказалась неприспособленной к идее советской индустриализации.

В ноябре 1923 г. в советском государстве появляется идея, по которой к 10-летию Октябрьской революции предполагалось создать на территории Северного Крыма, южной части степной Украины и Черноморского побережья вплоть до границ с Абхазией еврейскую автономную область. Общая площадь предполагаемой автономии должна была составить 10 млн. десятин. В неё планировалось переселить 500 тыс. евреев. Главным источником финансирования этого переселения стала американская благотворительная еврейская организация «Агро-Джойнт», израсходовавшая на эти цели до 1938 г. тридцать миллионов долларов [10].

В 1923-1924 гг. переселение евреев в Крым носило стихийный характер, а в 1925 г. советское правительство придало этому процессу плановость. В Крыму были организованы 11 еврейских колоний и создан один из первых национальных сельсоветов – Ротендорфский («Ротендорф») - Красное село, ныне с. Климово Красногвардейского района. – *Авт.*) Попытка обрести «землю обетованную» в Крыму была встречена с интересом евреями всего мира. В Евпаторийский район в 1925 г. прибыли даже 25 семей

из Палестины. Ими была основана коммуна «Виа Нова» («Новый путь»), но в 1939 г. все «палестинцы» были осуждены и расстреляны по обвинению в сионизме.

Идея еврейской колонизации Крыма получила противодействие местного крымскотатарского руководства, планировавшего расселить на свободных землях своих малоземельных крестьян, а также татар-эмигрантов из Румынии и Турции. Кроме того, переселение евреев совпало с раскулачиванием и насильственным выселением из Крыма зажиточных крестьян. Забранные у них земли передавались еврейским переселенцам, что также вызывало негативную реакцию населения, особенно крымских татар. Крымская власть пыталась опротестовать планы массового переселения евреев. Однако сопротивление еврейской земельной колонизации было быстро сломлено центральной властью. Своих постов лишились глава КрымЦИКа и ряд других работников.

Прибывающие в Крым евреи не были приспособлены к сельскохозяйственному труду. Трудности освоения степных пространств Крыма привели к большому оттоку переселенцев в города. К 1941 г. в Крыму проживало около 67 тыс. евреев, из них в 86 еврейских колхозах только 20 тыс. человек [11]. Но те из переселенцев, кто оставался в сельской местности, сумели проявить себя в качестве хороших работников. Газета «Красный Крым» 29 октября 1926 года писала: «Еврейские колонисты проявляют много энергии и выдержки. Никакие трудности, никакие препятствия их не удерживают, а агрономы, соприкасающиеся с новыми еврейскими колониями, отзываются о них очень хорошо» [12]. В итоге в 1931 г. советские и партийные органы крымской автономии пришли к выводу, что «еврейское переселение в Крым себя политически и хозяйственно оправдало». В Крыму был создан еврейский национальный Фрайдорфский район (Фрайдорф – ныне пгт Новоселовское Раздольненского района. – *Авт.*) и 32 еврейских национальных сельсовета. Планы по формированию еврейской национальной государственности в Крыму были прерваны Великой Отечественной войной.

Оккупация Крыма Германией в 1942 – 1944 гг. стала особым периодом в административно-территориальном устройстве Крыма. Политика, которую проводила германская оккупационная администрация в Крыму, представляла смесь традиционного западноевропейского колониализма и расизма XIX в., исповедующего принцип «разделяй и властвуй» в сочетании с радикальным нацизмом и юдофобией. Умело используя фактор «отягощенной исторической памяти» крымских татар, которые в XVIII-XIX вв. лишились своего этнокультурного доминирования в Крыму, а в период октябрьской революции 1917 г и гражданской войны приобрели «свежие воспоминания» о большевистских эксцессах, немецкие оккупационные власти сумели привлечь крымских татар и представителей других национальных групп к активному сотрудничеству.

В ноябре 1941 г. Крым стал составной частью немецкого рейхскомиссариата «Украина», войдя в него как генеральный округ «Таврия» с административным центром в г.Мелитополь. Власть в этом округе должна была осуществляться гражданской администрацией, но «...вследствие того, что полуостров, практически до своего освобождения в 1944 г. являлся либо тыловым районом действующих немецких армий, либо зоной боевых действий, фактическая власть здесь принадлежала командующему местными частями вермахта» [13, с.71]. По мнению крымского историка О.В.Романько, с конца 1941 г. на немецкую оккупационную политику в Крыму стал оказывать влияние фактор партизанского движения, который наложил отпечаток на все мероприятия, проводимые оккупационной властью на полуострове, «включая попытки привлечения на свою сторону в целях сотрудничества местного населения» [там же]. Партизанская проблема приобрела особую актуальность для немецкого командования в связи с тем, что районы сосредоточения и боевых действий советских партизан находились в непосредственной близости от населенных пунктов и коммуникаций, важных с оперативной точки зрения.

Сразу же после занятия немцами городов и крупных населенных пунктов Крыма в них стали формироваться органы местного самоуправления, а также городская и сельская полиция, в обязанности которой входило поддержание порядка в населенном пункте и наблюдение за выполнением паспортного режима. Однако ни городская, ни сельская полиция не могла самостоятельно бороться с партизанским движением, а тем более уничтожить его. Поэтому оккупационные власти делали всё, чтобы создать крупные мобильные, хорошо подготовленные формирования из числа коллаборационистов,

основной смысл существования которых заключался в обеспечении функционирования оккупационного режима в пределах зоны его ответственности.

Мнение известных специалистов по партизанским действиям Ч. Диксона и О. Гейлбрунна приводит в своей работе крымский историк А.В.Мальгин: «Для борьбы с партизанами (в Крыму. – *Авт.*) немцы стали привлекать также татар, которые всегда враждебно относились к большевистскому режиму. Были сформированы так называемые татарские отряды самообороны, которые оказали немцам большую помощь» [14, с.3-4]. Этими отрядами, насчитывавшими по 70-100 человек в каждом, командовали инструкторы – немецкие унтер-офицеры. По словам Э.фон Манштейна, главная задача этих отрядов заключалась «в охране своих селений от нападения ...партизан» [15, с.262], то есть фактически в проведении блокады партизанских районов.

В июле 1942 г. все татарские роты самообороны в Крыму были сведены в добровольческие батальоны СС «Шума», которые в отличие от рот самообороны имели более широкий фронт тактических действий против партизан, не ограничивавшийся только районами их дислокации [13, с.82]. Создание германским командованием в горной и предгорной части Крыма сети батальонов СС «Шума» превратило расположенные здесь населенные пункты в воинские гарнизоны, непосредственно участвовавшие в военном противостоянии на полуострове.

С лета 1943 г. настроения и политические симпатии в среде крымских татар, живших в горных и предгорных районах Крыма, претерпели существенные изменения. Их причиной послужило ухудшение положения немецких войск на советско-германском фронте, а также сокращение экономических преференций, которые ввело оккупационное командование для крымских татар. С 1 июля 1943 г. на эту национальную группу крымского населения распространились все те налоги и платежи, которые платили представители иных национальностей [14]. Война уравнила в статусе и правах все народы Крыма, что не могло не породить глубокого разочарования у тех, кто ожидал от немцев «освобождения». Кроме того, у немцев были собственные планы относительно послевоенного переустройства Крыма. В эти планы не входили интересы крымских татар относительно создания на полуострове суверенного татарского государства. Над коллаборационистами из батальонов СС «Шума» и рот самообороны постоянно висела угроза отправки на фронт для борьбы с Красной Армией [13] и растущая ненависть большинства местного населения.

Все эти факторы заставили многих коллаборационистов сначала эпизодически, а затем массово переходить к партизанам. По сведениям А.В.Мальгина, 1 августа 1943 г. в партизанских отрядах Крыма было 10 крымских татар, а к концу марта 1944 г. их численность составила 450 чел. [13, с.115; 135]. Быстрый рост партизанских отрядов, расширение их влияния на местное население, ненадежность «вчерашних союзников», а также недостаток собственных боевых подразделений, необходимых для эффективной борьбы с партизанами, вынудили германскую военную и гражданскую оккупационную администрацию в конце 1943 г. изменить свою внутреннюю политику и тактику антипартизанских действий.

В конце ноября 1943 г. немецкое командование обнародовало приказ «о добровольной эвакуации населения из прилесной зоны», а в декабре приступило к принудительному выселению жителей. Принудительная эвакуация жителей прилесной зоны началась 13 декабря и практически завершилась к 31 декабря 1943 г., получив наименование операции «Огонь и меч» [13, с.129]. Акция включала в себя комплекс мер по уничтожению не только жилого фонда, но и всей инфраструктуры населенных пунктов горно-лесной зоны с целью не допустить её использования партизанами в условиях суровой горной зимы и отсутствия эффективного военно-административного контроля над партизанскими районами, связанного с изменившимся отношением к службе в батальонах «Шума» со стороны татарских добровольцев.

В ходе акции немцы вывезли из целого ряда населенных пунктов горно-лесной зоны в большинстве случаев крымскотатарское население. Как правило, это были жители небольших деревень, расположенных в непосредственной близости от леса или в лесу. В этих селениях невозможно было размещать немецкие воинские и добровольческие гарнизоны, что и послужило основной причиной для их разрушения и сожжения. В настоящее время все населенные пункты, попавшие под осуществление операции «Огонь и меч», в большинстве случаев не существуют в реальности и на картах Крыма

(рис.1), превратившись в «селения-призраки» (в Белогорском районе к таким селениям относятся, к примеру, Молбай, Тама, Хан-Эли, Бураган и др.)

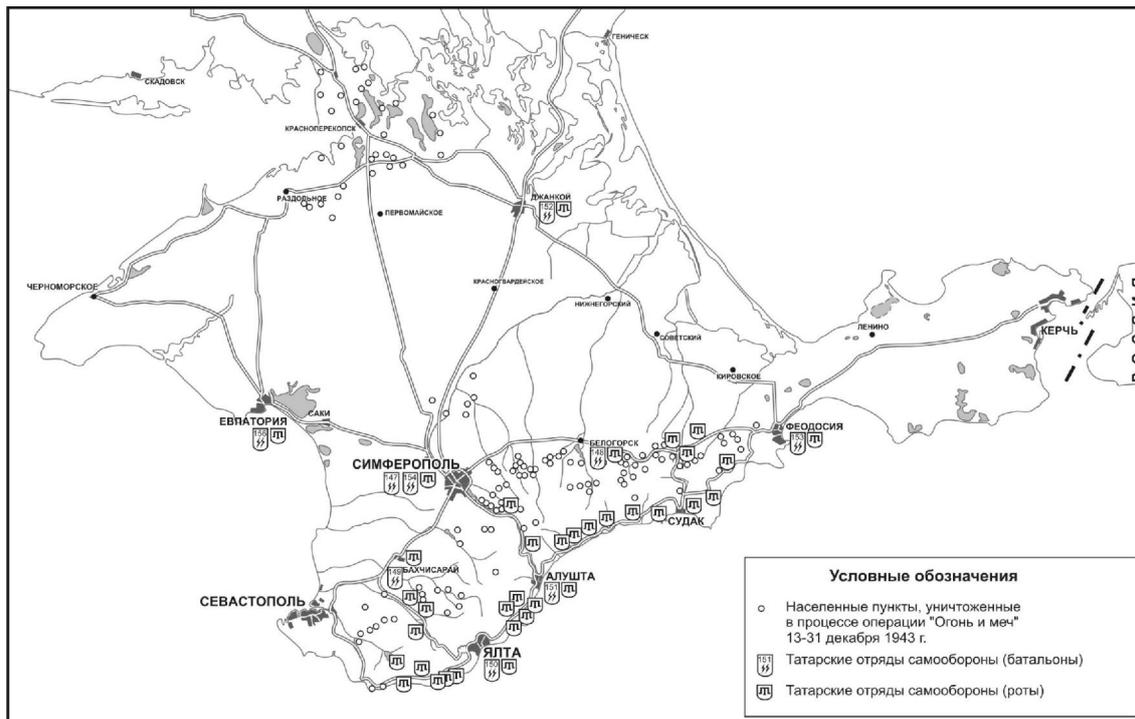

Рис.1. Населенные пункты горно-лесной зоны Крыма, уничтоженные в ходе операции «Огонь и меч» в декабре 1943 г. (составлено авторами).

Отметим, что операция «Огонь и меч» совершенно не затронула те поселения северного и южного склонов Крымских гор, где немецкое командование сконцентрировало подразделения добровольцев из рот и батальонов СС «Шума». Эти населенные пункты продолжали оставаться важными опорными базами в борьбе с партизанами (к примеру, селения Албат, Кок-Коз, Фоти-Сала, Гавро и др.). Как правило, все они сохранились до наших дней.

К исчезновению населенных пунктов в районах дислокации партизанских отрядов имели отношение и сами партизаны. А.В.Мальгин отмечает факт агитации партизанского руководства среди населения лесной зоны за уход в партизанские отряды вместе со скотом и продовольствием [13, с.130]. В Зуйские леса, по данным А.В.Мальгина, перешло «под защиту партизан» свыше 3 тыс. человек, а в леса Заповедника – почти 5 тыс. человек в основном русского населения.

Точных сведений о размахе операции «Огонь и меч» до сих пор не имеется. Чаще всего в литературе встречается цифра **127**, характеризующая общее количество уничтоженных деревень, из которых наибольшее число приходится на Карасубазарский район – 26 сел, на втором месте – Зуйский – 19; Симферопольский – 13; Бахчисарайский – 12; Балаклавский – 8; Судакский – 6; Кировский – 4; Старокрымский – 3; Куйбышевский – 2 [13, с.129].

Иные населенные пункты Крыма, исчезнувшие в период немецкой оккупации, но располагавшиеся вне зоны проведения операции «Огонь и меч», прекращали своё существование по разным причинам военного времени. В степном Крыму среди причин исчезновения населенных пунктов можно назвать эвакуацию населения из районов боевых действий на Перекопском и Чонгарском перешейках, Керченском полуострове и в районе Севастополя. Сократила численность населения в степном Крыму мобилизация в ряды Красной армии и депортация крымских немцев в августе 1941 г. Нельзя также игнорировать факт сокращения численности населенных пунктов в результате их обезлюдивания после проведения карательных операций немцев или отправки жителей

на принудительные работы в Германию. Подтверждение сказанному находим в немецких сценариях послевоенного обустройства Крыма.

Одной из идеологических сверхзадач нацистского Генерального плана «Ост», разработанного ведомством Гимmlера в мае 1941 г. для различных ведомств, которые начнут осваивать «восточные просторы», завоеванные солдатами Рейха, являлась идея превращения Крыма в «Готенланд». По указанному плану предусматривалась колонизация Крымского полуострова немцами-эмигрантами, имевшими якобы на это преимущественное право по этнической принадлежности к историческим готам, населявшим отдельные районы Крымского полуострова в эпоху Великого переселения народов (246 г. н.э.). В Готенланде планировалось создание сугубо немецких поселений, насчитывающих по 15-20 тыс. жителей, причем, Южный берег Крыма должны были заселить выходцы из Южного Тироля. Чтобы обеспечить спокойное существование немцев в Готенланде Гитлер предполагал «...очистить полуостров от всех чужаков...» [16].

Подобные высказывания не оставляли в проекте Готенланда места «расовым врагам» и «нежелательным элементам», к которым нацисты относили евреев, крымчаков и крымских цыган. Существовала также идея выселения из Крыма украинцев, отнесенных немцами к «северодинарскому», а не арийскому расовому типу.

Задачи уничтожения «нежелательных элементов» в Крыму были возложены на подразделения полиции безопасности – СД и так называемые айнзатцгруппы «Д». Кроме немецких подразделений в выявлении и уничтожении евреев, цыган и крымчаков принимали участие подразделения полевой жандармерии, службы вспомогательной полиции и подразделения из числа местных коллаборационистов. Только в «активный период антисемитских репрессий» в Крыму с 16 ноября по 15 декабря 1941 года по данным начальника полиции безопасности – СД было убито 17646 евреев, что составило 44,1% еврейского населения оккупированного полуострова [17]. Особенно пострадало еврейское население в еврейских национальных районах Крыма и местах его компактного проживания. Так нацисты и коллаборационисты уничтожили в Лариндорфском (Первомайском) районе – 1746 чел., в Джанкойском районе – 1672 чел., Фрайдорфском (Новоселовском) районе – 1100 чел., Колайском (Азовском) районе – 1000 чел., Тельмановском (Красногвардейском) – 955 чел. [18]. Всего же в ходе антисемитских акций оккупационного режима в Крыму в период 1941 – 1943 г.г. погибли по разным оценкам, более 40 тыс. евреев и 6 тыс. крымчаков. Учитывая то, что до войны на полуострове проживало свыше 65 тыс. евреев, а также тот факт, что в первые месяцы войны примерно половина из них сумела эвакуироваться, многие исследователи считают, что нацисты в Крыму осуществили геноцид – практически полное уничтожение еврейского населения [17; 18].

Поскольку евреи в национально-административных районах Крыма составляли лишь относительное большинство среди иных национальных групп, то крымский «холокост» не привел в пределах этих территорий к полному исчезновению сети населенных пунктов в 1941-1942 гг., но последствия его сказались во время послевоенных административно-территориальных реформ, в процессе которых исчезали так называемые «неперспективные» или малолюдные селения.

В 1944 г. процесс исторического развития системы расселения населения Крыма сменил эволюционный характер, на трагически революционный. 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление №5859сс «О крымских татарах», в соответствии с которым 18 мая 1944 г. НКВД СССР осуществило депортацию 183155 крымских татар. В июне 1944 г. из Крыма выселяли болгар, греков, армян.

Депортации крымских татар сопутствовало исчезновение **184 сёл** в центральных, северо-западных, северных, северо-восточных районах и Керченском полуострове (рис.2). В совокупности с населенными пунктами лесной зоны, уничтоженными немцами в ходе операции «Огонь и меч» в 1943 г., **Крым потерял 311 населенных пунктов исторически сложившейся сети поселений с их уникальными бытом и архитектурой.** Кроме того, после депортаций в Крыму тремя Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 1944, 1945 и 1948 годов были переименованы населённые пункты и сельские советы, названия которых имели крымскотатарское, немецкое, греческое, армянское происхождение. Всего переименованию подверглось 1406 населенных пунктов или более 90 % расселенческой сети полуострова. Нарушение топонимической основы системы

расселения изменило объективный характер исторического присутствия старожильческих народов полуострова, создало возможность внедрения в социокультурную среду Крыма элементов политизированной истории, выразившихся в появлении топонимов «советский», «октябрьский», «красногвардейский», «первомайский», «пионерский» и др.

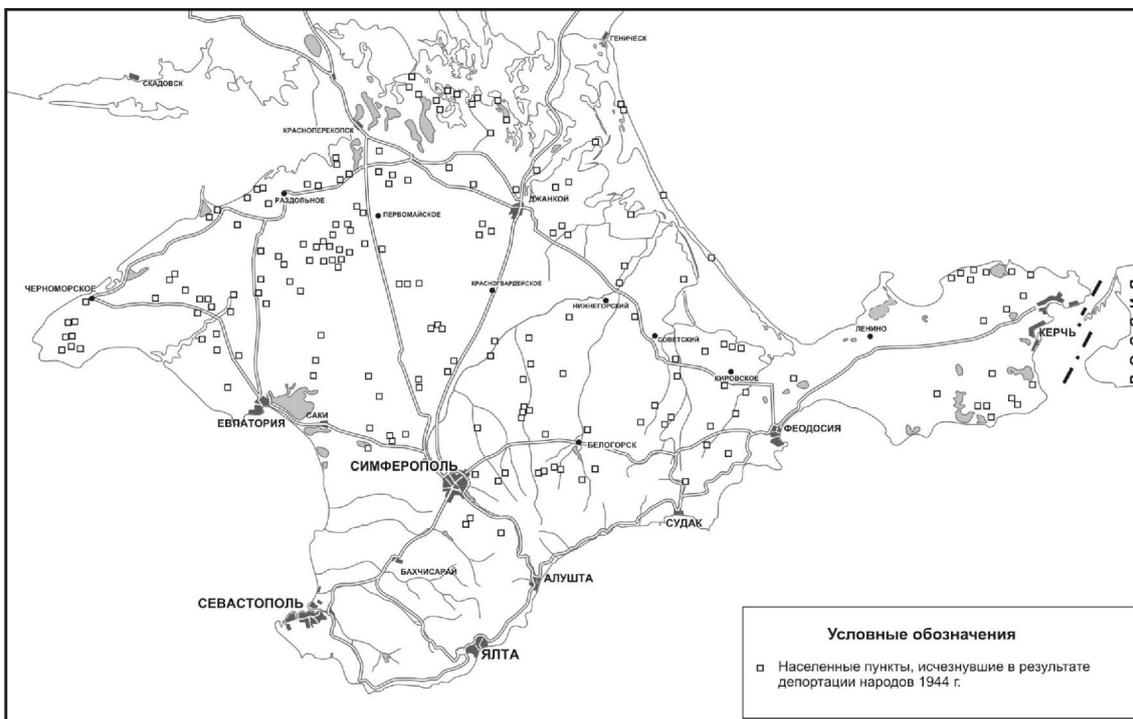

Рис.2. Населенные пункты Крыма, прекратившие существование после депортации крымских татар в 1944 г. (составлено авторами).

С осени 1944 г. началось переселение жителей Краснодарского, Ставропольского краев, Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской, Киевской, Винницкой, Житомирской областей в достаточно обезлюдивший после окончания Великой Отечественной войны Крым. Переселенцев расселяли в 8 районах: Алуштинском, Балаклавском, Бахчисарайском, Белогорском, Куйбышевском, Старо-Крымском, Судакском и Ялтинском, где до депортации сосредотачивалось наибольшее количество уничтоженных войной крымскотатарских селений. В 1946 г. способы заселения Крыма были изменены. Переселенцев стали принимать по графику и расселять по всей территории Крыма, особенно в тех совхозах и колхозах, где ощущался острый недостаток трудовых ресурсов. Всего в 1944 – 1960 гг. в Крым было переселено более 100 тыс. трудоспособных поселенцев [5, с.361]. В 1952 г. при помощи переселенцев в Крыму был восстановлен довоенный уровень посевных площадей и поголовье скота, а в 1955 г. – возродились виноградники.

Послевоенные реалии поставили советское руководство перед необходимостью выбора новой стратегии восстановления Крыма. Зажатые тисками идеологической и военной доктрин советские руководители приняли для Крыма вариант развития военно-стратегического региона с высоким уровнем милитаризованности территории и развитой военно-промышленной инфраструктурой. В этой стратегии населенным пунктам, в основном городского характера, отводилась роль промышленных форпостов, реорганизующих характер застройки различных участков территории полуострова, изменяющих рисунок его дорожно-транспортной сети и характер взаимодействия с ландшафтами в сторону насыщения их индустриальными компонентами.

Под влиянием послевоенной стратегии освоения Крыма возникли промышленные центры на Перекопе, возродилась химическая промышленность в курортных Саках, машиностроение в Севастополе, Симферополе и Феодосии, металлургия на Керченском

полуострове. Возрождение промышленных центров привело в 1970-1980-е гг. к оттоку части сельского населения Крыма в города, причем, не только промышленные, но и курортные. На полуострове стали формироваться условия для возникновения депрессивных территорий с малыми по численности жителей населенными пунктами, устойчивой депопуляцией населения, сложностями инфраструктурного обустройства населенных мест. Депрессивные территории в большинстве случаев располагались в пределах степных районов и на Керченском полуострове. Нецелесообразность сохранения малых сёл в Крыму привела к их исчезновению или поглощению городскими территориями (рис.3).

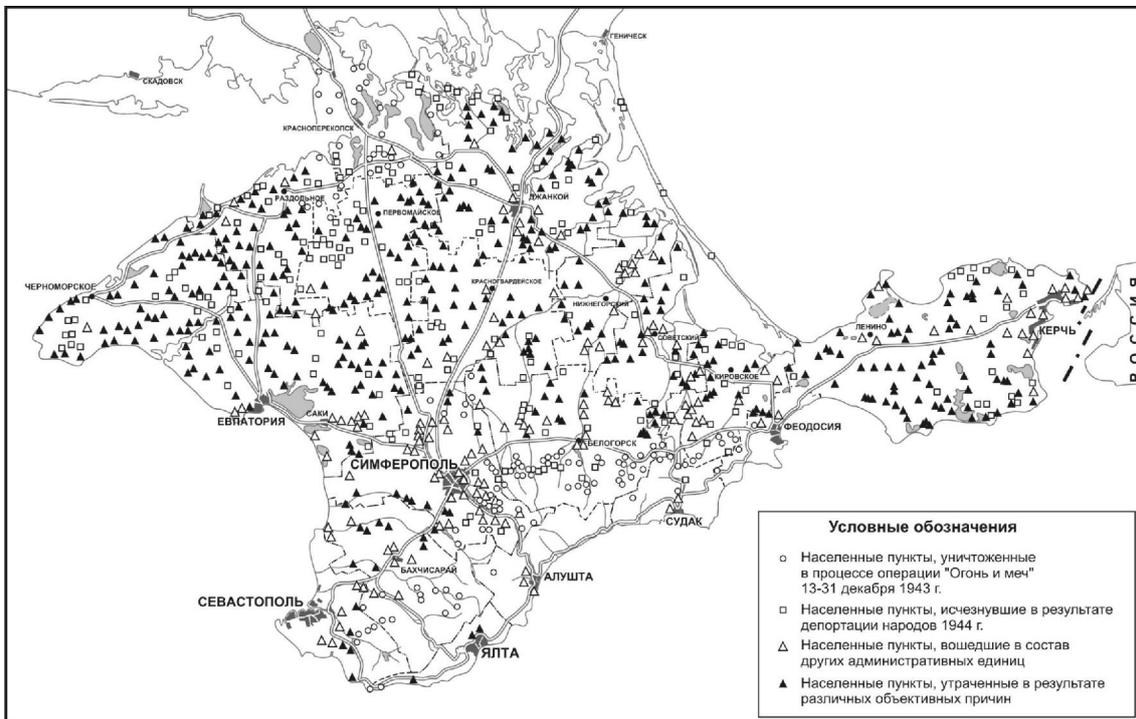

Рис.3 Населенные пункты Крыма, исчезнувшие в 1940-1980 –е годы (составлено авторами).

Количественное сокращение сети сельских населенных пунктов Крыма завершилось с началом репатриации и обустройства крымских татар и других депортированных народов в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Репатриация крымских татар как одного из наиболее многочисленных народов Крыма, подвергшихся депортации, приняла характер реинтеграции. Речь идет о редком в мировой практике случае. Как правило, проблема этнической интеграции возникает там, где появляются этнические общины, оторванные от основной части государства и помещенные в абсолютно новую социокультурную среду. В случае с крымскими татарами мы имеем дело с ситуацией не утраты, а обретения Родины, что создает совершенно иной психологический фон в процессе репатриации.

Оставаясь в депортации патриотами Крыма, крымские татары сформулировали для себя собственную парадигму будущего, во многом отличающуюся от представлений остальных жителей полуострова. Крымских татар не устраивает роль младших партнеров (минотариев) в социокультурном сообществе полуострова. Претендуя на особые права и преференции, они создают прецедент добровольной сегрегации, выраженный посредством формирования альтернативных структур самоуправления и противопоставляя свою социокультурную позицию точке зрения большинству своих сограждан.

Социокультурная сегрегация крымских татар нашла выражение и в процессе реконструкции современной сети расселения этого этноса в форме «поселков

компактного проживания», активно возводившихся в течение 1991 – 2001 гг. и являющихся, по существу, этническими анклавами.

Поселки компактного проживания крымских татар имеются в настоящее время во всех административных единицах Крыма. Менее всего они представлены на территории Севастопольского горсовета, где по данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., доля крымских татар в общей численности населения составляла 0,5%. Наибольшая численность мест компактного проживания крымских татар - в предгорных районах Крыма. Здесь, по данным упомянутой выше переписи, на территории Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского, Кировского районов доля крымских татар превышает 20% (а в Белогорском районе – 30%) в общей численности населения. Свыше двадцатипроцентной отметки удельный вес крымских татар достиг также в степных Ленинском, Советском, Нижнегорском, Джанкойском и Первомайском районах.

Такой пространственный рисунок наиболее плотного расселения крымских татар свидетельствует о том, что происходит постепенная эволюция системы расселения этого народа «от мест компактного проживания к дисперсной схеме», когда очаги локализации репатриантов укрупняются и распространяются на новые районы автономии, а границы расселения размываются. В подтверждение этому процессу можно привести слова экс-председателя Верховной Рады АРК Анатолия Гриценко. На заседании рабочей группы по подготовке вопросов для СНБО Украины он сделал достоянием общественности случаи демонтажа крымскими татарами жилого фонда, построенного за счет государственных средств и приватизированного, для его переноса под Симферополь и на Южный берег Крыма [19]. Так в деревне Сары-Баш (бывшая Танино) Первомайского района был демонтирован до фундамента 81 жилой дом крымских татар. По словам экс-спикера, крымские татары, имея дома в Раздольненском или Первомайском районах, нередко выступают с требованием получения земельных участков и бюджетных средств для их застройки в иных регионах полуострова.

По оперативным данным горисполкомов и районных администраций в 1999 г. на территории Автономной Республики Крым насчитывался 291 пункт компактного проживания крымских татар. В 2004 г. бывший в то время заместителем Председателя Совета министров АРК Эдип Гафаров приводит данные о 300 поселках компактного проживания, указывая, что в шести из них живут армяне, болгары, греки и немцы, а в 294 – крымские татары [20]. В приводимом выше выступлении А.Гриценко, опубликованном в 2007 г., также упоминается 300 пунктов компактного проживания. Кризис в экономике Украины 2008 - 2009 гг. вряд ли мог увеличить этот показатель. Следовательно, система расселения репатриантов из числа крымских татар представлена в настоящее время 294 поселками их компактного проживания. Сравнивая эту цифру с показателем уничтоженных фашистскими оккупантами в ходе операции «Огонь и меч» и советским режимом в ходе депортации 311 населенными пунктами Крыма, отмечаем, что усилиями украинского государства в автономии фактически восстановлена численность довоенных поселений крымских татар.

Выводы. Эволюция крымской системы расселения населения в XX в. имела множество факторов изменения. Наиболее существенным следует считать политико-географический фактор. Он проявлялся в прямом влиянии на характер расселения народов Крыма тех политических проектов, которые создавались властью для освоения территории полуострова.

Литература

1. *Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII – XXI вв.* / [Шевчук А.Г., Беднарский И.Г., Швец А.Б., Ефимов С.А., Кравцова Л.П.]; под ред. А.В.Ишина. – Симферополь: СФ НИСИ; ВГМИ «Таврия», 2006. – 72 с.
2. *Топчієв О.Г. Основи суспільної географії: [підруч. для студентів географ. спеціальностей вищих навч. закл.]* / Топчієв О.Г. – Одеса: «Астропринт», 2009. – С.209.
3. *Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая республика. К истории одного проекта [Электронный ресурс]* / Александр Ефимов : Режим доступа к ресурсу: www.moscow-crimea.ru/history/20vek/republic.html
4. *Горбачев С. Крымская Калифорния [Электронный ресурс]: сетевой проект альманаха «Остров Крым»* / Сергей Горбачев // *Остров Крым.* – 1999.- № 5. – 80 Min / 700 MB. – М.,

2001. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Системные требования: Pentium; 32 Mb RAM; Windows 98, 2000, XP. – Название с контейнера.
5. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках) / [Буров Г.М., Колтухов С.Г., Петрова Э.Б. и др.]; [3-е изд-е]. – Симферополь: Атлас-компакт, 2006. – 400 с.
 6. Дементьев Н.Е. История Крыма. Часть II. [Электронный ресурс] / Дементьев Н.Е., Зарубин А.Г. / [сост., ред. Николаенко Н.В.]. – Симферополь: РИЦ "Атлас", 1993. – Режим доступа к ресурсу: http://crimea-tour.ru/istor_xx.html#05.
 7. Дементьев Н.Е. К вопросу о принципах создания советских республик в Крыму / Дементьев Н.Е. // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. – 1993. – № 4. – С.36 – 39.
 8. Зарубин А.Г. Сопротивление «чрезвычайщине» в Крыму (1928-1931 гг.) / Зарубин А.Г. // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. – 1993. – № 4. – С.40-46.
 9. Чеботарева В.Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920 - е годы / В.Г.Чеботарева // Вопросы истории. – 2006. - № 12. – С.23-43.
 10. Дергачев В. Геополитическая трансформация Крыма [Электронный ресурс] / В. Дергачев. // Вестник аналитики. – 2008. -№ 3. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.otechestvo.org.ua/main/200811/0328.htm>.
 11. Шурхало Д. Шалом, крымчане! [Электронный ресурс] / Дмитрий Шурхало //Трибуна. – 2008. – 26 сентября. – Режим доступа к ресурсу: <http://tribuna.com.ua/articles/history/1.167936.htm>.
 12. Глубочанский А. ВИА НОВА. Еврейские сельскохозяйственные поселения в степном Крыму [Электронный ресурс]: сетевой проект альманаха «Остров Крым» / Александр Глубочанский, Елена Ривкина // Остров Крым. – 1999. - № 5. – 80 Min / 700 Mb. – М., 2001. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Системные требования: Pentium; 32 Mb RAM; Windows 98, 2000, XP. – Название с контейнера.
 13. Романько О.В. Крым. 1941 – 1944 гг. Окупация и коллаборационизм: [сб. статей и материалов] / О.В.Романько. – Симферополь: «АнтиквА», 2005. – 204 с.
 14. Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941 – 1944 гг. / А.В.Мальгин. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – 188 с.
 15. Манштейн Э. фон Утраченные победы / Э.фон Манштейн. – М., 1999, с.262.
 16. Романько О.В. От «немецкого Гибралтара» до арийского «Готенланда». Крымский полуостров в малоизвестных планах военно-политического руководства Третьего рейха (1941-1944) / О.В.Романько // Историческое наследие Крыма. – 2006. - №14. – С.115-121.
 17. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944): [сб. документов и материалов] / ред. Ицхак Арад. – Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, Национальный ин-т Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, 1992.
 18. Губенко Г.Н. Книга печали. / Г.Н.Губенко. – Симферополь, 1991. – 188 с.
 19. Чтобы торжествовал закон – один для всех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rada.crimea.ua/news/26112007>.
 20. Мешковой С. Эдип Гафаров: процветающий Крым будет лучшей данью памяти всем жертвам депортации [интервью] / Сергей Мешковой // Крымская газета. – 2004. - №87 (16893). – 14 мая.

Анотація. У статті аналізується процес еволюції системи розселення населення Криму під впливом різних політичних проектів його освоєння. З'ясовуються причини зникнення 311 населених пунктів в системі розселення кримських татар у XX - початку XXI сторіччя.

Ключові слова: політична географія, система розселення, фактори еволюції розселення населення.

Annotation. The article examines the evolution of the system of settlement of the Crimean population under the influence of different political projects of its development. The reasons of extinction 311 settlements in the resettlements of Crimean Tatars in the XX – XXI centuries.

Key words: political geography, settlement system, the factors of the evolution of population settlement.

Поступила в редакцию 21.09.2010 г